

М. В. Канкава

О ВЛИЯНИИ В. И. ДАЛЯ НА СТИЛЬ ПИСАТЕЛЕЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Народная речь автора бессмертного «Толкового словаря» — В. И. Даля не могла не оказать своего воздействия на язык современных ему и последующих писателей-реалистов, которые, по словам Горького, «относились к нему как к знатоку народной жизни».¹

В русской филологической науке можно встретить ряд высказываний о влиянии Даля на художественное творчество представителей реалистической литературы. Таково, например, мнение, высказанное А. Печерским, о воздействии Даля на Пушкина, написавшего сказку «О рыбаке и рыбке» под влиянием сказок Даля и подарившего ее в рукописи и с надписью Дально («Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому, сказочник Александр Пушкин»), мнение, оспариваемое Майковым.²

¹ М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 187.

² Л. Майков. Пушкин и Даль. «Русский вестник», 1890, № 10, стр. 14—15.

Характерно признание самого Гоголя, писавшего о Дале: «По мне, он значительней всех повествователей-изобретателей. Может быть, я сужу здесь пристрастно, потому что писатель этот более других угодил личности моего собственного вкуса и соответственно моих собственных требований, каждая его строчка меня учит и вразумляет, подвигая ближе к познанию народной жизни».³

О. Я. Самочатова в своей работе «„Записки Охотника“ И. С. Тургенева» отмечает зависимость автора «Записок Охотника» от Даля в этнографических описаниях: «Влияние Даля, — пишет Самочатова, — на этнографические описания в „Записках Охотника“ (например, различие Орловской и Калужской деревни) бесспорно».⁴

Наконец, народные элементы, местами областные, нередко характеризуют в процессе демократизации литературной речи стиль таких писателей, как Достоевский, Боборыкин, Короленко... «После мы увидим, — пишет М. Горький, — что такая фигура, как Даль, много раз повторяется в русской литературе, что Решетников, Глеб Успенский, Наумов, Нефедов имеют немало общего с ним как в манере писать, так и в отношении к материалу».⁵

Но все эти высказывания не что иное, как лишь предварительные наброски, требующие специальных и глубоких исследований.

Для нашей задачи достаточно сослаться на двух таких ярких представителей далекой этнографической школы, как Мельников-Печерский и Лесков, на которых влияние народной речи Даля сказалось наиболее рельефно.

Известно, что сам Мельников (Печерский) считал себя учеником Даля, давшего ему не только литературный псевдоним, но и направившего его к будущей литературной деятельности.

Люди одной эпохи, близкие по взглядам, с одинаковым интересом к «этнографизму», чиновники одного ведомства, одновременно изучавшие сектанство в России, десятилетиями жившие в дружбе, изъездившие всю Россию вдоль и поперек, Даль и Мельников-Печерский, естественно, в своей творческой деятельности были во многом созвучны друг другу.

С 1846 г., состоя чиновником особых поручений при Нижегородском военном губернаторе, Мельников-Печерский разбирал архивы местных правительственных учреждений и опубликовывал обнаруженные древние акты. С 1852 г., будучи назначен начальником статистической экспедиции, и по 1857 г. он занимался подробным описанием приволжских губерний, записывая по заданию Даля вместе с другими членами экспедиции говоры каждой деревни. Таковы были условия, позволившие ему глубоко изучить

³ Письма Н. В. Гоголя. Редакция В. И. Шенрока. Тт. 1—4. СПб., 1901, т. 3, стр. 272.

⁴ О. Я. Самочатова. «Записки Охотника» И. С. Тургенева. Канд. дисс., 1948, стр. 246.

⁵ М. Горький. История русской литературы, стр. 187.

народную речь, ее склад и лексику. Так же как и Даля, ему «где-то ни доводилось бывать?... И в лесах, и на горах, и в болотах, и в тундрах, и в рудниках, и на крестьянских полатях, и в тесных кельях, и в скитах, и в дворцах, всего и не перечесть».⁶

Совместно с Далем занятия, продолжавшиеся в Нижнем с 1849 по 1859 г. и далее, в Москве, поддерживали и укрепляли интерес к русской народной речи. Этот интерес к народной жизни у Мельникова-Печерского прослеживается с первых же его литературных опытов. Так, например, в «Дорожных записках на пути из Тамбовской губ. в Сибирь» (1839—1842 гг.) он часто употребляет народные слова и выражения (*вровень, вечор, вапница, кондовый, крашеница, обвенка, шлаг, пищук*), пермские «особенные» слова (*шаньга, глохтить, заимка, улобзвити...*) с подробными объяснениями и делает некоторые фонетические и морфологические наблюдения над пермским говором.

В дальнейшем, в рассказе «Красильников» (1852), интерес писателя к народной речи еще возрастает «под тяготевшим над ним влиянием» Даля. Влияние это на художественных произведениях Мельникова-Печерского, в которых, по словам Бестужева-Рюмина, «русская душа русским словам говорит о русском человеке», очевидно. Непосредственное воздействие Даля и его «Толкового словаря» на Мельникова-Печерского отмечал в своих воспоминаниях сын беллетриста А. П. Мельников: «Влияние Даля, — пишет А. П. Мельников, — в этом рассказе («имеется в виду «Красильников», — М. К.) видно в каждой строке: оно выражается и в оборотах речи, отчасти напоминающих К. Луганского, и в то и дело приводимых поговорках, иногда кажущихся как бы придуманными, но в сущности взятых из народного говора живыми и, вероятно, сообщенных Далем».⁷

Воздействие народной речи Даля особенно чувствуется в лексике и в пословично-поговорочной фразеологии рассказа. Если вспомнить, что пословицы и поговорки приводились Далем в порядок в Нижнем по «рамашковой системе» при ближайшем участии Мельникова-Печерского, то использование последним пословиц и поговорок Даля должно казаться вполне оправданным.

Сравнительно сильнее воздействие Даля на Мельникова-Печерского выступает и в самом большом и оригинальном этнографическом романе Мельникова «В лесах». Роман в изобилии насыщен элементами устно-народного творчества и этнографическим материалом; в нем дано яркое изображение бытовой обстановки приволжских областей. Все это нашло свое отражение в языке романа, в его народной лексике, оборотах речи и в фразеологии,

⁶ П. Усов. П. И. Мельников, его жизнь и литературная деятельность. М. — СПб., 1897, стр. 267.

⁷ Сборник Нижегородской Ученой архивной комиссии в память П. И. Мельникова, 1911, стр. 25.

в которых нетрудно обнаружить определенное влияние народной стихии, в частности «Толкового словаря». Не подлежит сомнению, что «Роман местами очень близок к Словарю Даля, особенно когда автор говорит о лошкарном промысле, об истории русской шляпы и картуза, о названиях Северного края, о народных святцах».⁸

Эта близость особенно выпукло проявляется там, где автору не удастся отлить в художественную форму привлекаемый им лексический материал. Тогда он принужден в своих сносках и в подстрочных примечаниях объяснять такие слова. В таких случаях иногда делается ссылка на «Толковый словарь», в большинстве же случаев автор пытается самостоятельно объяснить их, но, без сомнения, черпает эти объяснения из «Толкового словаря»; вот некоторые образцы таких объяснений из романа «В лесах» и параллельно из «Словаря» Даля:

У Мельникова-Печерского:

Булыня — бродячий по деревням, скупщик преимущественно льна, всегда большой руки плут и обманщик (ч. 3 и 4, стр. 104).

Встречник — противник в споре, иногда враг (ч. 2 и 4, стр. 152).

Летасы — мечты, грезы на яву, иллюзия (ч. 3 и 4, стр. 499).

Литовка — русская большая коса с прямым косьем (ч. 3 и 4, стр. 104).

Непуть — непутный человек (ч. 3 и 4, стр. 41).

Подпешить — сделать птицу пешею посредством обрезки крыльев (ч. 3 и 4, стр. 148).

Скостил — сложил с костей, долой что похерил, уничтожил, сквитал (ч. 3 и 4, стр. 49).

Смотница — сплетница, клеветница (ч. 3 и 4, стр. 193).

Тебека — тыква (ч. 3 и 4, стр. 185).

Талагай — болван, неуч, невежда (ч. 3 и 4, стр. 518).

Уросливый — от уросить — капризный, своенравный. Слово это употребляется в Поволжье, в восточных губ. и в Сибири, происходит от татарск. *урус* — русский (ч. 3 и 4, стр. 336).

У Даля

(в «Толковом словаре»):

Булыня, пск. торгош скотом, скупщик льна, вообще скупщик... вл., вят. безстыжий, наглый плут (143).

Встречник — супротивник... спорщик или враг (276).

Летасы — мечты, грезы на яву, несбыточные замыслы, (254).

Литовка — сев. русская большая коса... (260).

Непуть — нижн. непутный человек (548).

Подпешить птицу, подпешить ей крылья, подстричь, подрезать (203).

Скостить — скидывать со счетов, с костей (198—199).

Смотник — ца, — смутник, спаетник (237).

Тебека — инж., кстр. тыква (405).

Талагай — большой болван, неуч, невежда (398).

Уросливый — урослить (от татарск. *урус*, русский?) — упорный, упрямый, непокорный, непослушный, капризный и своевольный (522), и т. д.

Несмотря на явную зависимость в таких случаях Мельникова-Печерского от Даля, все же было бы ошибочным видеть в его языке лишь одно подражание Далю. Как это замечает один из исследователей языка Мельникова-Печерского, автор замечательных

⁸ М. А. Рыбникова. Изучение родного языка. Минск, 1921, стр. 64.

романов и повестей при всей своей близости к «Толковому словарю» Даля все-таки сумел «сохранить независимость в языке, относясь иногда даже критически к стилистическим приемам Даля».⁹

Однако несомненно и то, что, по мнению того же исследователя, Мельников-Печерский «до конца своей жизни оставался поклонником Даля, как знатока русской речи, и высоко ценил его Словарь»,¹⁰ считая труды Даля настольными книгами для каждого русского писателя, желавшего писать «чистым и притом живым русским языком».

В связи с этнографической школой Даля необходимо кратко остановиться на некоторых сторонах творчества писателя, близкого его школе, — Н. С. Лескова, жизненный путь которого во многом напоминает путь Даля и Мельникова-Печерского.

Так же как и Даль, Лесков выражал возмущение по поводу «образованного сословия», замечавшего в народе только «грубость» и «примитивизм». Как и Даль, Лесков в народе видел неисчерпаемый источник русской речи и старался в своих художественных произведениях отразить красочность народного языка, его меткость и колоритность.

Подобно Далю и Мельникову-Печерскому, Лесков — большой мастер слова, по свидетельству М. Горького, «неподражаемый знаток речевого языка», годами копил сокровища родной речи в результате своих жизненных наблюдений, собрав их огромный запас во время частых разъездов по России. Работая чиновником по управлению помещичьих имений, Лесков подробно знакомится с бытом различных слоев русского общества 60-х годов и использует большой накопленный запас лексического материала в языке художественного творчества. Сам Лесков, так же как и Даль, откровенно писал по этому поводу: «Ведь я собирал его, — говорит о своем языке Лесков, — много лет по словечкам, по пословицам и отдельным выражениям, схваченным на лету в толпе, на барках, в рекрутских присутствиях и в монастырях... Я внимательно и много лет прислушивался к выговору и произношению русских людей на разных ступенях их социального положения; они все говорят у меня по-своему, а не по-литературному».¹¹

Нужно сказать, что художественная манера Лескова отличалась большим своеобразием, которое достигалось в результате долгого и упорного труда: «Писать так просто, как Л. Толстой, я не умею. Это не в моих дарованиях... Я привык к отделке», — признавался Лесков. Но «отделке» предшествовала большая собирательская работа речевого материала преимущественно из народной лексики

⁹ О языке и стиле произведений П. И. Мельникова (Андрея Печерского) А. Эморовича, Русский филологический вестник, 1916, №№ 1—2, стр. 185.

¹⁰ Там же.

¹¹ А. П. Фаресов. Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб., 1904, стр. 275.

для «постановки голоса» героев: «Постановка голоса у писателя, — пишет Лесков, — заключается в умении овладеть голосом и языком своего героя и не сбиваться с альтов на басы... Я достиг кажется того, что мои священники говорят по-духовному, нигилисты — по-нигилистически, мужики — по-мужицки... мещане говорят по-мещански, а шепеляво-картавые аристократы — по-своему. Вот это — постановка дарования в писателе. А разработка его не только дело таланта, но и огромного труда».¹²

Этот «огромный труд», эта «мозаичская работа» для выработки специфической речи представителей разных социальных групп общества и составляют главное в «постановке» речи героев многочисленных повестей Лескова.

Наряду с этим нельзя не видеть в художественных произведениях Лескова такую отличительную черту: рисуя пеструю галерею образов своих героев до- и пореформенной России и раскрывая богатство лексики народной речи в ее различных социальных и профессиональных семантических характеристиках, Лесков в таких своих главных произведениях, как «Запечатленный ангел», «Очарованный странник», «Полунощник», «Воительница» и др., ведет повествование не от себя, а от лица рассказчиков из простонародья.

Язык этих рассказчиков, лежащий в основе большинства его художественных произведений, — это та самая далекая «народная речь», лишь по-своему стилизованная в устах представителей различных социальных групп общества, о которой сам Лесков говорил: «Вот этот народный, вульгарный и вычурный язык, которыми написаны многие страницы моих работ, сочинен не мною, а подслушан у мужика, у полуинтеллигента, у краснобаев, у юродивых и святош».¹³

Лучшие рассказы Лескова пестрят словами и оборотами этого «вульгарного и вычурного» языка; вот некоторые его образцы: «И все готовьём перед ними выложили привести сюда с бережью... вид у нее был какой-то оттолкновённый, даром что она будто красивою почиталась... Высокая, знаете, этакая цыбастая, тоненькая, как сайга, и бровеносная. Как это диво сталося и кто были оного дивозрители... В этой цыганке пламище то, я думаю, дымным костром вспыхнуло... Старая его мамка чуждянка, из чужих земель полоненая...; им ведь только и дела — особиться, а до общих забот и нужды нет... от самого малого встрясу все они могут рассыпаться... По сиротству своему я сызмальства пошел со своими земляками в отходные работы... этот Лука Кириллов... преумножил и создал житницу велику и обильну»; или показательны еще такие слова и формы слов, как высловил, заспокоил, пристигло, виноватиться, недристый, стишаешь, жалостница.

¹² Там же, стр. 273—274.

¹³ Там же, стр. 274.

Язык лесковского сказа, как и язык Даля, характеризуется наличием в его лексике некоторых «особых словечек», как-то: *кислока, непромокабли, ажидация, мелкоскоп, клеветон (фельетон), верояция, долбиза умножения* и др. Подобные словечки, являющиеся результатом новаторства Лескова в языке иногда на базе народной этимологии, вызывали у его современников (так же, как это имело место с Далем) неоднократные упреки.

Лесков боролся против иностранных слов, вводимых в печать «беспрестанно и часто совсем без надобности». Хотя он и не питал к ним того крайне враждебного отношения, которое так характерно для Даля, тем не менее старался всегда заменять иностранные слова чисто русскими или обруселыми, чтобы «беречь наш богатый и прекрасный язык от порчи». Известно, например, его возмущение по поводу введения «Новым временем» иностранного слова экстрадиция: «В Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка,¹⁴ — пишет Лесков, — там этого *нового* русского слова нет. Пусть теперь не знающий иностранных языков читатель думает и гадает, что это такое значит „экстрадиция“?». ¹⁵

При всех этих общих чертах языкового стиля у Лескова и Даля между ними имеется, конечно, значительное различие;¹⁶ тем не менее нельзя отрицать, что простая «народная» далевская речь, ее этнографическая и фольклорная оснащенность, ее живая лексика и фразеологические обороты заметно воздействовали на язык ряда произведений Лескова, как например «Пустопляс», «Маланья — голова баранья», «Час воли божьей» и др.

В свою очередь языковые принципы Лескова влияли на ряд позднейших писателей — классиков русской литературы. Достаточно указать на свидетельство Горького: «Лесков, — пишет Горький, — несомненно влиял на меня поразительным знанием и богатством языка. Это вообще отличный писатель и тонкий знаток русского быта, писатель, все еще не оцененный по заслугам перед нашей литературой. А. П. Чехов говорил, что очень многим обязан ему». ¹⁷

¹⁴ Имеется в виду Словарь Бурдона и Михельсона.

¹⁵ Русские писатели о литературе, 1939, т. II, 308.

¹⁶ Б. М. Другов, Н. С. Лесков — мастер слова и сюжета. Литературная учеба, 1936, № 11, стр. 74—92.

¹⁷ Литературно-критические статьи, Политиздат, 1927, стр. 342.